

Управление вотчиной и общиной в ростовских огородных селениях в конце XVIII – первой половине XIX в.

А.Г. Морозов

При изучении торгового земледелия крестьян Центрального Нечерноземья по материалам ростовского огородничества одной из задач являлось исследование проблемы управления помещичьей вотчиной и крестьянской общиной. Хронологические рамки аргументируются тем, что в опубликованных трудах по истории крестьянства был решен существенный вопрос о периоде формирования районов торгового земледелия. Главные его очаги, по меньшей мере, в Центральном Нечерноземье России, сформировались уже в первой половине XIX в.¹ Тема имеет широкую источниковую базу, анализ которой был опубликован отдельной статьей².

Основные торгово-промышленные селения в Ростовском уезде принадлежали крупнейшим магнатам России – Шереметевым и Юсуповым, Орловым и Паниным, Голицыным и Воронцовым. Монопольное положение этих владельцев, принадлежавшие им привилегии и влияние обеспечивали крестьянам защиту от вмешательства в их жизнь со стороны чиновничье-бюрократической местной власти, от чего сильно страдали и государственная деревня, и вольные хлебопашцы.

Развернутую и глубокую характеристику крестьянской общины с ее функциями представил Б.Н. Миронов, отмечавший, что основная тенденция в развитии данной сословной единицы состояла в усилении ее формальной структуры, расширении полицейской и податной функций. Община из института преимущественного обычного права все более превращалась в институт вотчинного и государственного права, повышалась ее роль как официальной организации. Помещики, стремясь увеличить свои доходы, регулировали общинные отношения с помощью инструкций, возложив надзор за их исполнением на органы местного самоуправления. Бюрократизация имела для крестьян важные позитивные последствия – управление по писаному закону, превращение общины в сословную корпорацию крестьянства с вытекающей отсюда возможностью отстаивания своих интересов, ограничение произвола самих помещиков и государства³.

Роль и функции общины, патрональной политики помещиков рассматривались в широко известном труде Л.В. Милова⁴. Организация вотчинного хозяйства и материалы помещичьих инструкций, в том числе по ростовским селениям изучались Р.М. Введенским⁵ и

Л.В. Сретенским⁶, Ю.А. Тихоновым⁷ и Д.А. Быковым⁸. Система управления и социальные отношения в Усольской вотчине В.Г. Орлова, Орловых-Давыдовых являлись предметом исследования Н.Б. Кремер⁹. Хозяйство Сидоровской вотчины Орловых и Паниных рассматривалось в работе Г.К. Тасевой¹⁰.

Патрональная политика помещиков играла важную роль в жизнедеятельности общины, регулируя управленческие и поземельные, имущественные и социальные отношения через распоряжения, предписания и указы, а также инструкции – уложения и правила управления вотчинами. Обращение к материалам помещичьих инструкций может дать вполне определенное представление о режиме и механизме регулирования жизни и труда российских земледельцев. В кругах интеллектуальной элиты дворянского сословия часто встречались отвлечённые политико-экономические рассуждения в духе фасадной парадности екатерининского царствования «об упразднении крепостного состояния России»¹¹, прекрасно уживавшиеся с унаследованными приёмами организации вотчинного хозяйства. Помещик был заинтересован в регулярном и возрастающем получении оброка, «присовокуплении дохода», избавлении от «убыточных обязательств» и содержании своего хозяйства «во всяком порядке»¹².

Охарактеризуем управление помещичьей вотчиной в ростовских огородных селениях, иерархию должностей в общине на основе: «Уложения» для с. Поречья графа В.Г. Орлова; правил управления вотчинами В.Н. Панина; разнообразной вотчинной документации домовых контор Орловых, Паниных и Голицыных.

«Уложение» графа В.Г. Орлова, впервые было опубликовано в середине XIX в., а извлечения из него вошли в работу А.А. Титова «Ростовский уезд...» 1885 г. Публиковалось оно и в начале XX столетия¹³. Данный, широко известный его вариант состоит из 23 глав. В фонде Орловых-Давыдовых РГАДА имеется первоначальная рукописная форма «Уложения», позволяющая говорить о точной датировке его создания. Впервые оно было дано в форме «Повелений», в «... бытность Его Сиятельства, графа Владимира Григорьевича в Поречье 16 июля 1774 г.»¹⁴, то есть через два года после пожалования Г.Г. Орлову (брату В.Г. Орлова) ростовских вотчин Екатериной II. Одновременно подобные «Повеления» были сделаны помещиком для Борисоглебских слобод.

Обобщенный универсальный вариант «Уложения», касавшийся всех вотчин, очевидно, сформировался позднее, в течение последней четверти XVIII в., на основе типичных для того времени помещичьих инструкций, указанных «Повелений», сделанных для конкретных имений и, возможно, «образцовых» инструкций А.Т. Болотова и П.И. Рычкова¹⁵.

Контроль над вотчинами графа В.Г. Орлова осуществляла Московская домовая контора. В ее непосредственном подчинении

находились бурмистры. В Ростовском уезде В.Г. Орлову принадлежало четыре вотчины – с. Поречье и с. Воржа, Спасская слобода и Борисоглебские слободы, владельцем которых с 1843 г. стал его внук граф В.Н. Панин¹⁶. Московской домовою конторой управлялась ростовская вотчина князей А.М. и С.М. Голицыных, куда входили: с. Сулость, с. Никольское на Перевозе, с. Кузьминицыно, д. Петрушино и д. Хожино, часть д. Стрелы.

Правила управления вотчинами В.Н. Панина, в фонде Паниных-Блудовых РГАДА, выделены в отдельное дело и датированы июлем 1845 г. Они менее известны и состоят из 22 глав. Больше внимание здесь уделено центральным органам управления вотчинами: «Главному Правлению», которое в свою очередь было подотчетно «Конторе и Дому», под чьим контролем была местная вотчинная администрация – бурмистры, управляющие. В «Правилах...» оговорены их права и обязанности, должностные оклады, формы ведения отчетности, возможности распоряжения доходами и расходами. Некоторые главы специально посвящены защите собственности помещика: движимого и недвижимого имущества, увольнения крестьян из крепостного состояния, которые решались только с его личного разрешения. По одной главе отведено вопросам сбора оброка, отдачи крестьян в рекруты, телесным наказаниям непокорных и др. Контора каждые две недели информировала помещика вкратце об общем ходе дел, о видах и положении сельского хозяйства, о благосостоянии имений, о несчастных случаях и др. Должностные лица имели высокие оклады: старший член главного правления получал ежемесячное жалование 100 руб., а члены правления по 75 руб. сер.¹⁷

Огородные селения ростовской приозерной котловины – Поречье и Воржа, Сулость и Угодичи, а также торговые Борисоглебские слободы являлись крупными сельскими населенными пунктами, включавшими от 70 до 400 домохозяйств, население которых зачастую превышало число жителей некоторых уездных российских городов. Поречье, Воржа и Борисоглебские слободы объединяли крестьян в простые или однодеревенские общины, а Сулость и Угодичи с деревнями соответственно – крестьян и вольных хлебопашцев – в сложные общины, состоявшие из населенных пунктов, расположенных на территории одной дачи. И в том и другом типе упомянутых общин Ростовского уезда население было занято в торговле, промышленном производстве, земледельческих и неземледельческих промыслах, с разнообразным по сословиям и профессиям составом населения. Уже в начале XIX в. их управление, общественный и частный быт отличались от того, что наблюдалось в земледельческих селениях с почти однородным крестьянским населением: «... подобные крупные поселения напоминали неземледельческие поселения, где в управлении важное место занимала бюрократия, а межличностные отношения приобретали формальный оттенок»¹⁸.

Важным представительным органом крестьянской общины в Ростовском уезде в рассматриваемое время являлся сельский сход. В него входили все старшие, пожилые домохозяева — главы семей. Из документов вотчинных архивов видно, что сход собирался с периодичностью 1-2 раз в неделю для разрешения всех важных вопросов жизни общины, утверждения решений должностных лиц. При отсутствии в населенном пункте домохозяев, имевших право голоса на сходе, вследствие отъезда «по торговой и огородной части», каждый из них мог передать право своего голоса другому лицу. В середине — второй половине XIX столетия домохозяин мог передать право своего голоса не только мужчине, но и женщине, как правило, своей жене¹⁹. Оформление передачи права голосования производилось в вотчинном правлении при выдаче паспорта в письменном виде, в специальной книге — именном списке крестьян-домохозяев, где фиксировалось, кому они передали свои голоса²⁰.

В первых главах «Уложения» графа В.Г. Орлова основное внимание было уделено правам и обязанностям круга лиц, управлявших отдельной вотчиной, подчиненных непосредственно домовому конторе и ее служителям. Согласно главе I «Главное начальство в вотчине должно принадлежать бурмистру, в помощь которому ежегодно выбирать двух и более людей»²¹. В статье 12 части II повелений от 16 июля 1774 г. касавшихся всех ростовских вотчин рекомендовалось общинам непременно выбирать в бурмистры «... лучших людей, как совестью, разумом и способностью к отпращиванию всех дел на него возложенных». На практике порядок назначения бурмиистра неизменно проводился в строгом соответствии с данными правилами: при истечении срока исполнения своих обязанностей лицо, ранее занимавшее должность подавало в домовую контору прошение об отставке. На выборах каждому уходившему с поста бурмиистру полагалось зачитать статью 12 на мирском сходе, «чтобы о ней помнили», избрать три кандидатуры и прислать помещику их имена, из которых один назначался в преемники. Например, 17 декабря того же года из трех кандидатур по Борисоглебской слободе, выдвинутых на сходе крестьянами, бурмиистром на 1775 г. был назначен Иван Иконников²². Сходный порядок избрания бурмиистра ежегодно по мирскому приговору имел место в ростовской вотчине князя С.М. Голицына²³. Таким образом, бурмиистр не являлся чужим человеком для своей общины и вотчины. Как правило, это был состоятельный крестьянин, выдвинутый Миром и утвержденный на пост помещиком.

При смене бурмиистров, 15-20 января, в домовую контору отправлялся рапорт с докладом, что в наступившем году новый бурмиистр и его помощник — староста, к своим обязанностям приступили. Практически все подобные рапорты подписаны двумя лицами: бурмиистром, вступившим в должность и его предшественником. В таких рапортах всегда присутствует ссылка на указ домового конторы о смене бурмиистров, выходящий в конце

декабря прошедшего года. Должностные лица в рапортах, как правило, названы по имени, отчеству и фамилии, крестьяне — по имени и фамилии и редко с отчеством²⁴.

На исполнение должности, для сношений с различными ведомствами и лицами вне вотчины, оформления отпускных, сдачи крестьян в рекруты, продажу имущества и т.п. бурмистры получали из домовой конторы В.Г. Орлова целый пакет «верющих писем» — доверенностей²⁵. Согласно правилам В.Н. Панина, управление вотчинами осуществлялось на основании данных им управляющим и бурмистрам доверенностей и предписаний, а непосредственно в виде их донесений в главное правление. Смещение с должности бурмистров и управляющих могло произойти по докладу главного правления только с личного разрешения помещика²⁶.

Бурмистры и выборные отстранялись от занимаемой должности по двум основным причинам: по собственному прошению, но чаще из-за злоупотреблений²⁷. При досрочном освобождении домовая контора, как правило, приказывала бурмистру соседней вотчины, с лучшими людьми расследовать это дело²⁸. Нередко бурмистры могли оставаться в должности дольше обычного срока вследствие не решенных дел, например, при наличии недоимок оброчной суммы за истекший год²⁹.

По «Уложению» в помощь бурмистру из лучших людей общины избирались староста и выборные. В более ранних «Повелениях» строго оговаривалось, что «... если Мир не будет так поступать, то управление вотчиной будет передано приказчику»³⁰. За исполнение или не исполнение указов помещика и предписаний конторы, присылаемых в вотчину, бурмистр с помощниками нес личную ответственность, с обязанностью обо всем доносить в домовую контору. Периодически контора указывала бурмистрам, что на деле помощь от выборных минимальна, «... они ходят в правление лишь по зову, а должно им быть всякой день и маловажные дела решать», приказывая придерживаться 1-й главы «Уложения», статей 2-4, «в них ясны правила выборов»³¹.

В последней четверти XVIII в., согласно статье 8 вышеуказанных «Повелений» контроль и управление ростовскими вотчинами Орловых концентрировались в руках бурмиистра самой крупной из них — с. Поречья. Переписка домовой конторы с поречским вотчинным правлением свидетельствовала о том, что доставка оброка, мельничных и прочих собранных денег, взыскание долгов помещику от разных лиц, отдача в рекруты и т.д. со Спасской слободы, Воржи, Борисоглебских слобод осуществлялись через поречского бурмиистра³². В конце XVIII в. Борисоглебская вотчина была выведена из управления бурмиистра с. Поречья и подчинена непосредственно Московской домовой конторе. Таким образом, поречский бурмиистр теперь нес ответственность только за три вотчины: Поречье, Воржу и Спасскую слободу³³.

По статье 22 части I «Повелений» «выборным и чиновным людям» в Поречье полагалось следующее годовое жалование: бурмиистру — 50 руб.;

выборному — 30; двум сотским по 20; четырем десятским по 10. Это были самые высокие оклады: бурмистру и сотским с. Воржи годовой оклад был положен соответственно в 20 и 15 руб.³⁴ В дальнейшем, при графе В.Н. Панине, бесспорно, преобладало жалование старшего поречского бурмиистра над денежным вознаграждением подчиненных ему бурмиистров ростовских вотчин. Так, 25 декабря 1846 г. главное правление сообщало в поречское, о назначении помещиком с 1 января 1847 г. новых годовых окладов. Бурмистру с. Поречья из господской суммы полагалось 120 руб. сер., а из мирской суммы — 180 руб. Итого 300 руб. сер. Бурмистру с. Воржи соответственно 60 и 60 руб. Итого 120 руб. сер.³⁵

Таким образом, старший бурмиистр имел годовой оклад более чем в два раза превышавший оклад подчиненного ему бурмиистра соседней вотчины. С начала XIX столетия существовала должность помощника бурмиистра, или сельского старосты, замещавшего последнего во время его отсутствия с годовым окладом в 120 руб.³⁶ Зачастую таких помощников у бурмиистра могло быть несколько³⁷. Определение «чиновные люди», жалование должностным лицам, избиравшимся из тех же крестьян в столь значительных по населению приозерных селах, свидетельствуют о крайней формализации общинных отношений.

Статус общины как официальной организации вел к дальнейшей бюрократизации общинной жизни³⁸. На протяжении изучаемого периода штат должностных лиц, имевших специализированные обязанности и получавших жалование, постоянно увеличивался. Так, с ростом населения, в Поречье возросло количество сотских (вместо трех их стало четверо, при этом получавших по 5 руб. сер. в год). Число десятских осталось прежним — четыре, которым полагалось по 6 руб. сер. в год. В вотчинном правлении появилась должность писаря с очень высоким годовым окладом 239 руб. сер.³⁹

Для проведения передела земли на сходе избиралась комиссия в составе 10 домохозяев, принимавших оплачиваемые обязанности раскладчиков земли⁴⁰. Для решения мелких повседневных земельных споров была учреждена одноименная должность с жалованием 40 руб. сер. Для распределения сенокоса выбирался отводчик пожен с жалованием 30 руб. сер. в лето. В обязанности последнего входило отводить пожни, обмеривать их, разрешать возникающие недоразумения. Как видно из вотчинной документации должности раскладчика земли и отводчика пожен зачастую совмещал один человек. Для непосредственного руководства ловлей рыбы сроком на три года избирались два рыбацких старосты. Они получали годовое жалование по 5 руб. сер.⁴¹

С целью контроля за сбором налогов имелся выборный и оплачиваемый пост сборщика податей. Для хранения общественных сумм избирался так называемый попечитель. После открытия в с. Поречье в 1845 г. банка для его управления появились две выборные должности — старший и младший его попечитель (в вотчинной документации — старший и

младший банкир), избиравшиеся на двухлетний срок⁴². Существовала и отдельная должность для общего учета и координации банковских, мирских и сборных сумм. Лица, исполнявшие упомянутые обязанности получали жалование 50 руб. сер. в год. В январе каждого года сельским сходом избирались три учетчика для ревизии прихода и расхода мирских сумм. Счета по ним в июне отправлялись в домовую контору⁴³. Различная корреспонденция для вотчинного правления, как частная, так и казенная, могла отправляться с нарочным, которому выдавались деньги на командировочные расходы, реже отсылаться по почте. В дальнейшем, получение корреспонденции сельский сход специальным приговором нередко поручал десятским. В Поречье в 1850-х гг. крестьянская община сочла возможным нанять двух рассыльных с жалованием по 20 руб. сер. в год⁴⁴.

С открытием по указу графа В.Н. Панина от 2 августа 1846 г. поречского училища появилась общественная должность его попечителя, избиравшегося из наиболее образованных и состоятельных крестьян. Значительная сумма в течение года тратилась на жалование учителю – в первые годы 143 руб. сер., а в 1860 г. – 250 руб. сер., помощнику учителя – 75 руб. сер., законоучителю – 60 руб. сер. и сторожу училища – 36 руб. сер.⁴⁵

На должность церковного старосты сроком на три года избирались благочестивые, проявлявшие постоянную заботу о церкви крестьяне⁴⁶. В помощь к каждой из двух, а с 1865 г. из трех церквей определялись помощники. Обязанности караульных по селу несли пять церковных сторожей. Трое из них, охранявших храмовый комплекс в центре Поречья получали годовое жалование по 31 руб. сер., а два сторожа при третьей кладбищенской церкви, расположенной вне селения – по 36 руб. сер. Отдельно избирался сторож для охраны вотчинного правления. За исправностью часового механизма на колокольне церкви Никиты мученика наблюдал заводчик часов, получавший 35 руб. сер. В 1750-1865 гг. в с. Поречье существовал общественный кирпичный завод, имелись его смотритель и сторож с окладами в 40 и 30 руб. сер. в год⁴⁷.

Важным и ответственным являлся пост пожарного старосты, в обязанности которого входило наблюдение за общественным пожарным инструментом, чистотой печных труб, координация действий местного населения во время пожара. Вотчинное правление содержало также трех дымовых трубочистов, получавших по 40 руб. сер. в год. Разводчик по дворам мирских быков, получал 13 руб. сер. Во время завоза лесоматериалов для ремонта в селе и на территории вотчины (дачи) больших и малых мостов сельская администрация нанимала сторожа с оплатой 4-5 руб. сер. в год⁴⁸.

В столицы и крупные города сельский сход избирал так называемых старост землячества. Их статус и обязанности основывались и подтверждались выданной домовою конторой и подписанной помещиком дове-

ренностью. Старосты были уполномочены собирать с живущих в городе крестьян все мирские повинности, следить за их поведением, а также исполнять любые предписания конторы, касавшиеся крестьян, их дел и имущества, управлять имуществом и землей помещика при их наличии⁴⁹. Кроме старост землячества, доверенности по надзору за имуществом помещика могли получить его бывшие крепостные, пользовавшиеся доверием схода и ставшие в разных городах купцами и мещанами⁵⁰. Очевидно, что крестьяне, жившие в городе, периодически собирались на сходы для решения целого ряда различных дел, не все из которых являлись достаточно важными. Так, одна из резолюций домового конторы Голицыных от 1 декабря 1828 г., направленная в Петербург, упрекала крестьян в том, что у них бывали частые сходы не по мирским делам, а по малозначимым, на которых отходники «чинили друг другу укоризны», стоял «непристойный шум». Предписывалось более не вступать в пустые ссоры, вести себя добропорядочно и дружелюбно⁵¹.

Выборы различных должностных лиц в вотчинной администрации — бурмистра, его помощников, старосты, сотских, десятских и других, менее значимых, происходили в конце года, в декабре месяце, на срок от одного до трех лет⁵². Крестьяне, избранные на вышеуказанные должности, являлись состоятельными людьми, сочетавшими возложенное на них управление с торговой и промысловой деятельностью. «Богатые имеют везде преобладающие голоса по той простой причине, что не зависят от бедных, обязанных богатым, да и бедного обидеть легче», — писал в 1855 г. в своем донесении помещику бурмистр с. Сулость Яков Иванов⁵³.

Должностные лица не были оторваны от своей общины. Признаком тесной связи вотчинных властей с общиной являлся их выбор по приговору сельского схода⁵⁴. Жалование и незначительные льготы не компенсировали потерь рабочего времени. Общественная служба являлась тяжелой обязанностью⁵⁵. В журналах домового конторы В.Г. Орлова регулярно встречаются прошения бурмистров на увольнение от должности на срок от 3 до 6 месяцев в Москву, Петербург, Ригу для огородных промыслов, а также на Макарьевскую и Нижегородскую ярмарки, в Оренбург и другие города для торговли. На время отсутствия в вотчине бурмистра исполнять его обязанности назначались лица из числа лучших людей общины. Так, 22 июня 1828 г. контора писала в с. Поречье «правившему должность бурмистра Хайлову об ожидании решения трех дел, до возвращения бурмистра Самойлова»⁵⁶.

Таким же порядком подавали прошения и отлучались из вотчины помощники бурмистра. Например, в феврале 1826 г. двум помощникам поречского бурмистра Самойлова — Никите Серафимову и Дмитрию Шурыгину домовая контора разрешила уехать из села. Первому «по торговым делам» в Ригу с 15 февраля по 1 октября, а второму в Петербург «по торговой огородной промышленности» с 1 марта по 1 сентября⁵⁷.

При отъезде в город, должностное лицо, как правило, нанимало за себя для исполнения обязанностей кого-то из односельчан за 10 руб. Своего заместителя по должности необходимо было представить по заявлению для утверждения на сельский сход⁵⁸. Нанятый для исполнения должности крестьянин, при неоплате за свой труд подавал жалобу в вотчинное правление. Сельский сход, рассматривая подобные жалобы, обычно приговаривал выдать деньги из общественного банка, а долг банку записать на наемщика⁵⁹. Для сравнения – государственные крестьяне за освобождение от мирских должностей платили 8,9 – 9 руб.⁶⁰

За оскорбление должностных лиц во время исполнения ими служебных обязанностей крестьянам полагалось наказание, например, лишение права участия в сходах на срок до трех лет⁶¹. За растрату общественных денег предусматривалась строгая ответственность, от продажи имущества до отдачи в рекруты⁶². Крестьяне, не имевшие возможности исполнять общественную должность вследствие своей нетрудоспособности по здоровью или возрасту, подавали прошение об отставке. Так, 24 апреля 1813 г. бурмистр с. Поречья Сироткин докладывал, что вместо земского Арбекова «за его старостью» определили прежде бывшего на этой должности Бровина «по способности его к сему делу»⁶³.

Посредством участия домового конторы, помимо органов власти, в вотчины зачастую отправлялись правительственные указы и манифесты для чтения крестьянам на мирских сходах. Например, печатный манифест, о повиновении крестьян власти, был отправлен в июне 1826 г. бурмистрам всех вотчин В.Г. Орлова: Поречской и Борисоглебской, Семеновской и Сидоровской, Усольской и Ветлужской⁶⁴.

На должностных лицах лежала большая ответственность по точному учету населения вотчины. После проведения очередной ревизии, по ее итогам бурмистры доставляли в домовую контору копию с новой ревизской сказки, а также краткие расписки числа душ прибывших и убывших⁶⁵. Кроме того, два раза в год – в начале июня и во второй половине декабря бурмистры отправляли рапорты о количестве ревизских душ и несколько реестров по прошедшему полугодию: о рожденных и умерших; об отлучках крестьян в разные города на отхожие промыслы с выданными паспортами⁶⁶. В связи с активным промысловым отходом нередко было сложно собрать все необходимые сведения о крестьянах отходниках, живших с семьями во многих городах. Например, в апреле 1834 г. петербургский староста Николай Седякин сообщал в домовую контору С.М. Голицына, что бурмистр с. Сулость потребовал у него достоверного списка всех живших в столице и Финляндии крестьян к составу 8-й ревизии⁶⁷.

В тех же рапортах по учету ревизских душ бурмистры докладывали о сумме оброка с каждого селения, сумме за выданных замуж на сторону невест. О деньгах, полученных за аренду мельниц в Поречье и Борисоглебских слободах, о рекрутских наборах и других повинностях⁶⁸. Отдельной строкой

отмечались средства «за провоз оброчных денег» — 5 руб. Деньги, от подчиненных бурмистров для отправки помещику, принимались с выдачей расписки и записывались в приходную книгу⁶⁹.

Бюрократизация общинной жизни в указанных селениях Ростовского уезда выражалась также и в увеличении делопроизводительной составляющей, в частности все решения схода фиксировались в специальных приговорах⁷⁰. Ежегодно, в начале года из домовых контор в вотчины на имя должностного лица почтой посылались книги для записи прихода и расхода оброчных и мирских сумм; так называемые «штрафные» книги, куда записывали провинившихся крестьян. Книги были прошнурованы, опечатаны и подписаны помещиком. О получении подобной книги необходимо было доложить. Например, такая книга была отправлена из домовой конторы Голицыных 18 февраля 1828 г. бурмистру с. Сулость Гурьеву на имя земского Ивана Никитича Ушакова⁷¹. Старые приходо-расходные книги по их окончании отправлялись в домовую контору⁷².

По ведению текущей документации также существовали определенные правила. В приказе домовой конторы В.Г. Орлова от 19 ноября 1808 г., посланном во все вотчины, предписывалось, чтобы в докладах бурмистров не писались дела в будущем времени, запрещалось в них сообщать — «... у кого из порочных крестьян нет во рту зубов, сколько им лет и какого они роста». Информацию такого рода было приказано отражать в мирском приговоре⁷³. При переписке домовых контор с бурмистрами почтой обе стороны неизменно сообщали друг другу о получении корреспонденции⁷⁴.

В 1840 — 1860-х гг. сроки предоставления в главное правление графа В.Н. Панина годового отчета по вотчине и сметы на следующий год вместе подлинными квитанциями в уплате казенных податей были не позже февраля-месяца. В обязанности бурмистров входило составление для главного правления 1 и 15 числа каждого месяца очередных докладов о текущих делах, о состоянии имения, кроме чрезвычайных случаев. От управляющего конторой распоряжения в вотчины исходили один раз, в середине месяца⁷⁵.

Итак, в начале каждого полугодия в домовые конторы из вотчин предоставлялась отчетность различного характера: окладные книги и сметы, реестры рожденных и умерших, росписи покупных крестьянами для услуг, списки рекрутов, крестьян, выбранных для разбирательства дел, счета мирских деньгам и др. Формой текущей переписки были очередные рапорты — доклады и доношения, сообщения, прошения и пр., касавшиеся повседневной крестьянской жизни, поступавшие из вотчин гораздо чаще, чем дважды в месяц⁷⁶.

В документации домовых контор Орловых, Голицыных и Паниных с периодичностью 2-3 раза в месяц встречаются жалобы ростовских крестьян на вотчинную администрацию по различным «обидам» и

«притеснениям». Как правило, домовая контора приказывала провести по жалобе следствие с последующим докладом, которое поручалось выбранной на мирском сходе и утвержденной помещиком комиссии из нескольких крестьян своей, а иногда соседней вотчины. Зачастую по каждой из этих жалоб велась длительная переписка⁷⁷. Наказанием виновным служили батожье, розги, принудительные общественные работы, например рытье канав, «сажание на хлеб и воду» и денежный штраф в размере до 100 руб., вносившийся, как правило, в пользу местного храма⁷⁸.

Имели место жалобы на крестьян со стороны местных церковнослужителей в притеснениях по сельскохозяйственным угожьям, невыплате (или недостаточной выплате) жалованья и оскорблениям. И напротив, крестьяне также нередко обвиняли священников в порочном поведении и пьянстве, ходатайствуя об их замене. В каждом таком случае разбирательство проходило по аналогичной схеме⁷⁹. Для расследования различных чрезвычайных происшествий и споров бурмистр и лучшие люди одной вотчины посылались в другие имения⁸⁰.

Рассмотрим некоторые стороны правотворческой деятельности общины. Уникальным документом нотариального характера, отмеченным в ростовском архиве еще в 1925 г. ростовским краеведом В.А. Собяниным⁸¹ является «Книга для записи договоров и согласий Поречского вотчинного правления 1826-1832 гг.». В ней осуществлялась регистрация сделок следующего содержания: продажа и покупка, аренда и субаренда, оценка и обмен огородных заведений в Москве и Петербурге — всего отмечено 9 сделок. По продаже и покупке (в том числе с публичного торга), обмену крестьянских каменных и деревянных домов с тяглой землей и без нее, сенокосов, рекрутской доли в Поречье было зафиксировано 18 сделок. Общей сложностью 10 договоров было заключено по проблемам раздела движимого и недвижимого имущества в Поречье с его подробным описанием; 13 брачных контрактов; 6 договоров по аренде крестьянами общественных зданий, мельницы, базарной площади и рыбной ловли; 6 сделок по регистрации займов денег, выплате долгов на определенных условиях, обязательствам по промысловой и торговой деятельности; 2 условия на обучение ремеслу и рукоделию; 9 договоров с «покупными для услуг» людьми о сроках и условиях службы, сумме выкупа и увольнении их крестьянами от обязательств; 2 дарственные и 6 крестьянских завещаний⁸². Следовательно, в первой четверти XIX столетия в вотчинной администрации приозерных сел Ростовского уезда наличествовала сложившаяся практика письменной нотариальной регистрации сделок и соглашений, договоров и контрактов, как непосредственно между крестьянами, так и крестьян с посторонними лицами.

Вотчинная администрация с согласия и ведома помещика представляла его в различных органах власти и управления⁸³. Владельцы вотчин,

представители местной администрации в рассматриваемом регионе неоднократно выступали в качестве гарантов защиты подвластного населения при сношениях с государственными чиновниками; принимали правоохранные меры, направленные на ограждение населения от преступных элементов⁸⁴. В компетенцию вотчинной администрации также входило решение денежных и имущественных споров между крестьянами и лицами, с которыми они вели дела, получение долгов помещику. Жалобы разных лиц о возвращении им долгов с крестьян ростовских вотчин, их прошения об оказании содействия и помощи в решении данных вопросов периодически встречаются в документации домовых контор, если вопрос не могли решить на местах⁸⁵.

Крупное ростовское с. Угодичи являлось центром сельского общества бывших помещичьих крестьян, а затем вольных хлебопашцев. В него входили еще три деревни – Уткино, Воробылово и Тряслово. Во главе местной крестьянской общины стоял старшина, зачастую, по документам разных источников называемый бурмистром⁸⁶. В каждой деревне имелся подчиненный ему и сходу сельский староста. Полновластным распорядителем общественных дел являлся сельский сход; при этом должностные лица являлись ответственными исполнителями его распоряжений⁸⁷.

В приозерных с. Сельце, д. Борисовской, части подростовных слобод и др., жили государственные крестьяне. Во главе каждой волости с населением до 3 тыс. человек они имели волостное правление, состоявшее из выборных: волостного головы, старост селений, писаря, десятских, сборщиков податей и др. Выборы происходили каждые 2 года. Все вопросы крестьянской жизни также разрешались на сходах⁸⁸. Иерархия должностей в общине была сходной с вышерассмотренной.

Таким образом, резюмируя сказанное, отметим, что управление вотчиной и общиной строилось на основе, как Свода государственных законов Российской империи, так и помещичьих инструкций, правил управления вотчинами помещиков, а также их текущих предписаний, указов и распоряжений. Контроль над помещичьими вотчинами осуществляли домовые конторы. Непосредственное управление было сосредоточено в вотчинном правлении в руках бурмиистра и его помощников – «лучших людей» Мира. Должностные лица не были оторваны от своей общины. Система их выборов и обязанности регламентировались помещичьими инструкциями. Выборы происходили на сельском сходе на срок от одного до трех лет. На пост бурмиистра сход выдвигал от 3 до 8 кандидатур наиболее способных крестьян, один из которых назначался помещиком.

Управление вотчиной, производство дел велось бурмиистром на основании полученных из домовой конторы доверенностей. Бюрократизация общинной жизни выражалась и в увеличении делопроизводства. Дважды в год в домовые конторы предоставлялась основная отчетность. Текущая

отчетность предоставлялась два раза в месяц, делопроизводственная переписка велась значительно чаще. При развитом промысловом отходе крестьян в города помещики контролировали их при помощи штата старост землячеств, которые избирались из благонадежных крестьян, имевших широкий круг полномочий.

Все важные вопросы своей жизнедеятельности община на сельском сходе решала сама, но при этом была обязана руководствоваться таким элементом законности как регламент помещичьих инструкций. От бурмистра и других должностных лиц помещик всегда требовал утверждения решения дела санкцией «мирского приговора». Должностные лица, постоянно окруженные советом односельчан, связанные с ними родственными узами, почти не имели возможности для злоупотреблений, руководствовались чувством долга. В не меньшей степени этому способствовал прагматичный контроль со стороны помещика и его домовою конторы. Об этом свидетельствует и отработанная система разбора жалоб специальными, избираемыми из крестьян комиссиями.

К середине XIX столетия структура выборных должностей значительно усложнилась, бюрократизировалась и напоминала аналогичные должности в городском управлении. Формальный «городской» оттенок имеет письменная нотариальной регистрация вотчинным правлением крестьянских сделок, договоров и контрактов, в том числе по таким вопросам, которые были больше характерны для города, а не для деревни.

**

- ¹ Федоров В.А. Помещичьи крестьяне центрально-промышленного района России кон. XVIII – перв. пол. XIX в. М., 1974. С. 62; Щеников В.Н. Крестьянское предпринимательство в сфере товарного производства картофеля и его технической переработки в Ярославской губернии. (1840-1900 годы): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Яр., 2002. С. 15.
- ² Морозов А.Г. Источники по истории ростовского огородничества конца XVIII – первой половины XIX вв. // ИКРЗ-2007. Ростов, 2008. С. 376-386.
- ³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 431-434.
- ⁴ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2000. С. 418-433.
- ⁵ Введенский Р.М. Оброчные крестьяне в первой половине XIX в. (По вотчинным архивам Голицыных): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1969. С. 6.
- ⁶ Сретенский Л.В. Помещичья вотчина нечерноземной полосы России во второй половине XVIII в. (По материалам Ярославских вотчин М.М. Щербатова): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Яр., 1960; он же. Помещичья инструкция второй половины XVIII века // Краеведческие записки. Ярославль, 1960. Вып. IV. С. 197-211.
- ⁷ Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII-XVIII вв.: сосуществование и противостояние. М.; СПб., 2005. С. 343, 359.
- ⁸ Быков Д.А. Помещик и крестьянин в России XVIII – первой четверти XIX вв.: к проблеме патронирования и управления хозяйством: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2005.

- ⁹ Кремер Н.Б. Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых (1768-1861 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2004. С. 3-4.
- ¹⁰ Тасева Г.К. Помещичья вотчина Нечерноземной полосы России в конце XVIII – первой половине XIX в. (По материалам Сидоровского вотчинного правления Орловых и Паниных). М., 1981.
- ¹¹ Письмо Голицына Д.М. Голицыну А.М. // Избранные произведения русских мыслителей второй половины 18 века. М., 1952. С. 42.
- ¹² Марасинова Е.Н. Вотчинник или помещик? (Эпистолярные источники о социальной психологии российского феодала второй половины 18 века) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): материалы международной конференции. М., 1996. С. 142.
- ¹³ Уложение для с. Поречья гр. Орлова // ЯГВ. 1853. Неоф. ч. № 41-44; Университетские известия. 1910. №4. Прибавления. Киев, 1910. С. 258-260.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 506. Л. 15.
- ¹⁵ Лебедева О.Н. Уложение гр. В.Г. Орлова 1796 г. как источник для изучения социально-экономической истории Городецкой вотчины конца XVIII в. // История хозяйства и крестьянства Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 45-48.
- ¹⁶ ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 3. Ед. хр. 20. Л. 1-32; РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1257. Л. 1-9; Д. 1258. Л. 1-4 об.; Д. 1261. Л. 2 об.; Д. 1266. Л. 2-5 об.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1270. Л. 1-6.
- ¹⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России... С. 431.
- ¹⁹ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 6. Л. 49.
- ²⁰ Там же. Д. 26. Л. 4 об., 18 об., 20, 21 об., 42 об., 50 об.
- ²¹ Уложение для с. Поречья гр. Орлова // ЯГВ. 1853. Неоф. ч. № 42.
- ²² РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 506. Л. 15, 36, 45; Д. 820. Л. 118 об., 128, 135 об., 138, 139 об., 146 об.
- ²³ ОПИ ГИМ. Ф. 14. Д. 3108. Л. 6.
- ²⁴ ОР РНБ. Тит. Ф. 775. Д. 1039. Л. 1, 1 об., 22, 45 об., 55 об., 58.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 986. Л. 2 об.; ОР РНБ. Тит. Ф. 775. Д. 1039. Л. 66.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1270. Л. 1-6.
- ²⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России... С. 443.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 820. Л. 46, 62 об., 75 об., 78, 78 об., 91 об.; Д. 986. Л. 26 об.
- ²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 14. Д. 3115. Л. 2 об., 8 об., 63.
- ³⁰ Кремер Н.Б. Социальная отношения и история управления... С. 11.
- ³¹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 3 об.
- ³² Там же. Д. 506. Л. 17, 17 об., 18, 32 об., 40, 44, 45; Д. 679. Л. 2 об., 4; Д. 820. Л. 103 об.; ОР РНБ. Тит. Ф. 775. Д. 1039. Л. 1 об., 8 об., 19 об., 35 об., 45, 69 об., 76.
- ³³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 820. Л. 12, 12 об.
- ³⁴ Там же. Д. 506. Л. 14, 15.
- ³⁵ Там же. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1273. Л. 85.
- ³⁶ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 6. Л. 53 об.; Д. 30. Л. 26 об.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 986. Л. 62.
- ³⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России... С. 433.
- ³⁹ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 6. Л. 54.
- ⁴⁰ ОР РНБ. Тит. Ф. 775. Д. 1039. Л. 44 об.
- ⁴¹ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
- ⁴² Там же. Д. 5. Л. 41; Д. 10. Л. 1.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 986. Л. 14, 41 об., 74.
- ⁴⁴ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 6. Л. 5, 54.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1273. Л. 83.

- 46 ОР РНБ. Тит. Ф. 775. Д. 1039. Л. 9 об., 29 об.; РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 5. Л. 105 об.
- 47 РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 11. Л. 15 об.
- 48 Там же. Д. 5. Л. 40, 41 об.; Д. 6. Л. 53 об.-54 об.; Д. 10. Л. 2 об., 10, 11, 16, 59, 61, 105 об., 125.
- 49 Там же. Д. 11. Л. 27; РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 506. Л. 32; Д. 986. Л. 82, 84 об., 92 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Д. 3108. Л. 6 об.
- 50 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 527. Л. 13-34; Д. 679. Л. 52, 62 об., 74 об., 79, Д. 820. Л. 4.
- 51 ОПИ ГИМ. Ф. 14. Д. 3115. Л. 130.
- 52 РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 5. Л. 38 об.; Д. 820. Л. 35.
- 53 ОПИ ГИМ. Ф. 14. Д. 3130. Л. 79.
- 54 Быков Д.А. Помещик и крестьянин в России. С. 219.
- 55 Миронов Б.Н. Социальная история России... С. 445.
- 56 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 986. Л. 73.
- 57 Там же. Д. 973. Л. 15 об.; Д. 820. Л. 56; Д. 986. Л. 4 об., 6, 34, 62.
- 58 РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 5. Л. 11 об., 16 об., 107 об.; Д. 11. Л. 6 об., 7 об., 8 об.
- 59 Там же. Д. 6. Л. 28 об.
- 60 Борисова А.В. Налоги и повинности государственных крестьян Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Путь в науку: сборник научных трудов аспирантов и студентов исторического факультета / Под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 1998. Вып. 4. С. 32.
- 61 РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 5. Л. 51.
- 62 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 986. Л. 104 об.
- 63 РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 11; РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 820. Л. 50 об.
- 64 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 986. Л. 14; Кремер Н.Б. Указ соч. С. 11.
- 65 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 869. Л. 104 об., 133.
- 66 ОР РНБ. Тит. Ф. 775. Д. 1039. Л. 11, 11 об.-13, 39 об., 73 об., 74.
- 67 ОПИ ГИМ. Ф. 14. Д. 3116. Л. 92 об.
- 68 ОР РНБ. Тит. Ф. 775. Д. 1039. Л. 13 об., 43, 60, 65 об., 66, 75 об.
- 69 Там же. Л. 8 об., 19 об., 45, 69 об., 74 об., 76.
- 70 Миронов Б.Н. Указ соч. С. 433.
- 71 ОПИ ГИМ. Ф. 14. Д. 3115. Л. 16; Д. 3116. Л. 15.
- 72 ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 47. Ед. хр. 1. Л. 1-90.
- 73 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 90 об.
- 74 Там же. Д. 986. Л. 2, 29, 91.
- 75 РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1268. Л. 15; Д. 1273. Л. 84 об.
- 76 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 16 об., 18, 30 об.; Д. 544. Л. 62 об., 95 об., 101, 140.
- 77 Там же. Д. 679. Л. 10 об., 11 об., 17, 17 об., 36, 38, 44 об., 66, 72.
- 78 Там же. Д. 820. Л. 57-57 об., 82.
- 79 Там же. Д. 869. Л. 46 об., 84.
- 80 Там же. Д. 973. Л. 15.
- 81 Собянин В.А. Ростовский уезд. Ростов, 1926. С. 24.
- 82 РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 -94 об.
- 83 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 820. Л. 112 об., 113.
- 84 Кремер Н.Б. Указ соч. С. 11.
- 85 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 10 об., 13., 52 об., 73; Д. 679. Л. 29; Д. 820. Л. 36, 38 об., 61, 88, 99, 116.
- 86 РФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 3, 7 об.
- 87 Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова / Предисл. А.А. Титова. М., 1882. С. 38-39.

- ⁸⁸ Ляпанов А.В. Государственные крестьяне Владимирской губернии после реформы П.Д. Киселева 1841-1866 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владимир, 2005. С. 81; Потапова Е.В. Государственные крестьяне Тверской губернии в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тверь, 2005. С. 97.